

станетъ на очередь. И, надо надѣяться, что Елисаветпольская губернія, пожалуй, болѣе всѣхъ другихъ страдающая отъ указанныхъ условій,—первая увидитъ и избавленіе отъ экономическаго ига, столь пагубно отражающагося на жизни всего нашего края.
Р. П.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Вѣстникъ Европы». — «Русская Мысль». — «Русскій Вѣстникъ». — «Книжки Недѣли». — «Русское Богатство». — «Сѣверный Вѣстникъ». — «Русское Обозрѣніе».

За послѣднія книжки ежемѣсячныхъ журналовъ можно порадоваться: несмотря на дѣтнее затишье, въ нихъ есть немало оживленныхъ, яркихъ и занимательныхъ произведеній. Прежде всего, укажемъ на рассказъ А. П. Чехова въ «Р. М.», носящій довольно оригинальное названіе — «Человѣкъ въ футлярѣ». Каждое произведеніе этого талантливаго беллетриста возбуждаетъ шумъ въ повременной печати, обсуждается... Это неудивительно: кромѣ большого таланта, А. П. Чеховъ дорожитъ намъ тѣмъ, что онъ «хорошо сохранился», какъ писатель. Въ немъ до сихъ поръ незамѣтно тѣхъ потугъ творчества, того натянутого, дѣланнаго оживленія, какимъ отличаются многіе его собратья по перу. Въ послѣднемъ отношеніи яркій примѣръ того, какъ не надо писать, представляетъ собой г. Луговой, о которомъ мы еще поговоримъ. Чеховъ, если хотите, даже не пишетъ; онъ рассказываетъ просто, тихо, со спокойной задумчивой грустью, съ той знакомой грустью, которая разлита въ современномъ обществѣ и въ современномъ искусствѣ. И мы сочувственно слушаемъ этотъ правдивый, жизненный рассказъ, передающій то смутное томленіе измученной души, то робкую, трепетную жалобу на гнетущій насъ безжалостный строй жизни...

Что можетъ быть проще, чѣмъ вышеназванный рассказъ Чехова!—Два пріятеля бесѣдуютъ ночью, расположившись на почлегъ въ деревнѣ. Одинъ, учитель, не торопясь, рассказываетъ о нѣкомъ Бѣликовѣ, тоже учителѣ, который боялся жизни... Легкими штрихами, въ разговорной формѣ, обрисованъ жалкій и страшный образъ несчастнаго Бѣликова. Боязнь жизни сдѣлала его какимъ-то отверженнымъ существомъ, живымъ упрекомъ для другихъ людей, стремящихся къ жизни, наслаждающихся ею. Бѣликовъ и физически, и нравственно прятался въ фут-

ляръ отъ своей непріятельницы-жизни. Но она все же зашла его, и это прикосновеніе стубило его жалкое существованіе, раздавило его какъ червяка. Неудавшійся романъ, насмѣшки и сплетни сдѣлали изъ него забаву всего города; онъ не вынесъ этого и умеръ, буквально отъ горя и страха. Грустная, страшная исторія! И еще страшнѣе кажется она потому, что ее рассказываетъ, хотя и съ чувствомъ, но довольно спокойно, товарищъ этого самаго Бѣликова, рассказываетъ въ тихую дѣтнюю лунную ночь, которая всѣмъ дышитъ безмятежнымъ покоемъ. Долго, долго не забыть читателю этого простого, коротенькаго рассказа!

Отъ прямого, глубокаго таланта г. Чехова перейдемъ къ трескучему, эффектному, но маложизненному, произведенію г. Луговаго. Авторъ сразу пускаетъ пыль въ глаза уже однимъ подзаголовкомъ своего романа. Чего бы проще написать: «Возвратъ, романъ А. Луговаго»? Нѣтъ, какъ можно! Это слишкомъ просто, обыденно... Такъ дѣлаютъ всѣ... И вотъ, г. Луговой пишетъ, коварно улыбаясь по адресу читателя, котораго намѣренъ «пробовать»: «Возвратъ, романъ колеблющихся мистроеній»... У насъ часто ругаютъ поэтовъ за декадентство; ну, а г. Луговой? Развѣ это не чистѣйшій беллетристъ-декадентъ? Трескучій авторъ выводитъ сначала на сцену трехъ барышень-сестрицъ съ разными спеціальностями: музыкантку, художницу и... велосипедистку. Роль Стародума играетъ ихъ тетюшка, осуждающая и сестру свою, и ея дочерей за пустоту, за излишнее довольство жизнью, и сама стремящаяся «отолстовиться»... Эффектъ за эффектомъ преподноситъ намъ авторъ, такъ что просто не знаешь, на чемъ остановиться... Внезапно, какъ чортикъ изъ дѣтской игрушки, на сцену выскакиваетъ старый, но бойкій отставной генералъ, знакомится съ велосипедисткой Бэтъ и лихо гарцуетъ на конѣ, сопровождая дамъ на прогулку, а затѣмъ... умираетъ... «Какъ-такъ? —спроситъ читатель.—Умираетъ? Въ началѣ романа? Ахъ, господи! Луговой!»... Какъ-бы то ни было, генералъ сваливается съ лошади, пораженный ударомъ, и въ гостиницу дамы привозятъ лишь мертвое тѣло. Сцена интересная, но что хотѣлъ сказать ею авторъ,—невѣдомо. Развѣ только то, что старикамъ вредно въ жаркую погоду скакать верхомъ и гарновать возлѣ барышень...

Но г. Луговой уморилъ генерала, да и забылъ не только о немъ, но и о